

НИЧЕГО ЛИШНЕГО

Борис Орехов

В августе в Государственном музее Востока при участии Фонда поддержки научных и культурных программ имени Ш. Марджани прошла выставка «Фазкурни-азкуркум (Вспомните Меня, и вспомню Я вас)» Василия Ханнанова.

Религия — формообразующее начало культуры. Этическая и ритуальная системы религии определяют облик бытовой и художественной культуры народа. Культура, выросшая из ислама, ставит в центр мира книгу. Значение Корана для мусульманского мира удивительно и несравнимо даже с Библией для христиан. Каллиграфическое исполнение цитат из Корана заменяет изображения. Историки культуры объясняют это фундаментальным для ислама запретом на портрет, скульптуру или рисунок живого существа. Такое вытеснение целой сферы искусства неизбежно влечет за собой компенсацию, которой стали каллиграфия и культура книжного оформления.

Главной причиной запрета на изображение послужило одно из множества преданий из жизни Мухаммеда — хадисов. Однажды Мухаммед совершал намаз в комнате своей любимой молодой

жены Айши. Во время молитвы он увидел на занавесе яркий рисунок — изображение птицы — и гневно сказал Айше, чтобы она убрала занавес, так как рисунок отвлекает его от мысли о едином Боге.

В Коране запрет менее строгий, он касается лишь идолов: «Вот сказал Ибрахим отцу своему Азару: «Неужели ты идолов превращаешь в богов? Я вижу, что ты и твой народ — в явном заблуждении!» (сура 6, аят 74). Но самое главное в том, что создание живого существа для ислама — дело исключительно божественное, ибо Аллах — творец всего. Художник никогда не сможет вдохнуть в свои творения душу. Один из хадисов говорит, что в день «последнего суда» изображенные сойдут с картин и потребуют, чтобы им дали душу.

На основании запрета на изображение человека эстетизация текста в исламской культуре достигла невиданных масштабов. Это и стало генератором творчества Василия Ханнанова в его серии «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!». Основу картин уфимского художника составляет пластически осмысленный коранический текст, воспринимаемый чувственно, через композицию и колорит и при этом вызывающий в сознании зрителя ассоциации с древней восточной культурой.

Завораживающая вязь, каждый элемент которой в мистических школах ислама сам по себе трактуется как откровение запредельного, человеком Запада воспринимается схожим образом — как загадочная мудрость, требующая для своего постижения глубинных знаний.

Основу картин серии составляют работы, выполненные в минималистической цветовой гамме: глубокий синий фон, сочетающийся с черными и белыми силуэтами, отдельные детали которых обозначены золотой краской. На полотне создается некое символическое пространство, условное, лишенное глубины, горизонта и других атрибутов «места». Предельная обобщенность входит в резонанс с имеющими для культуры особое значение вечными образами священных книг. Более привычные в христианском культурном контексте живописные образы резко нарушают автоматизм восприятия, взаимодействуя с арабской вязью, как бы парящей над основными фигурами композиции. Буквы арабцы «форматируют» пространство вокруг себя, превращая его в плоскость даже там, где другими объектами на полотне обозначена перспектива. Так — через прием — напоминает о себе культ книги, первоосновного и богоданного элемента арабского сознания.

Другие полотна выполнены в иной манере, подчеркивающей вещественность творимого. Если в символистической «синей» серии живопись как бы прячется за изображаемым, техника направлена на изобразительность и выполняет подчиненную роль, то на других картинах материал, мазок, встроенный в картину элемент материального мира, напротив, заявляют о себе, акцентируют внимание на своей объемности и неподчиненности внешним законам. Разновекторные мазки буйствуют, динамичная текстура буквально колыхается на холсте, но всю структуру организует коранический текст, незыблемым и ювелирно четким рисунком притягивающий взгляд.

По сути дела, арабское письмо в большинстве картин В. Ханнанова — это своеобразная кардиограмма, фиксация жизненного цикла неведомого пульсара, захваченное в строку биение сердца целой цивилизации, далекой, но тем не менее завораживающей, говорящей с нами на своем древнем языке.

